

Введение

Забастовка, социально-трудовой конфликт, сознательное нарушение работниками обычного трудового процесса, а также прекращение работы, с целью изменения условий производства или производственных отношений, стала неотъемлемым атрибутом российской политики и социальной жизни. В предлагаемой Вашему вниманию монографии мы обратимся к анализу забастовок в России.

В забастовку «ложатся». Ее не начинают. Именно этот термин из арго бастующих шахтеров я буду использовать в предлагаемой Вашему вниманию книге для обозначения такого явления как проведение забастовки. «Лечь в забастовку» означает начать забастовку.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1988–1995 годами. Первая дата связана с тем, что в 1988 году в нашей стране начались массовые забастовки в шахтерских регионах. Кроме того, в тот год произошел перелом не менее великий, нежели тот, что был в конце 20-х годов. Новый «год великого перелома». Почему?

1. К этому году в стране сложилась широкая антикоммунистическая и антигорбачевская оппозиция;

2. Начались необратимые негативные последствия в экономике страны;

3. «Взорвалась» «национальная бомба», расширилась эскалация насилия в республиках советской Средней Азии, на Кавказе и в Прибалтике;

4. Антисоциалистическая идеология стала ведущей в идейно-политических спорах;

5. Началась клерикализация общественно-политической жизни страны, начало которой было ознаменовано широким государственным празднованием 1000-летия крещения Руси;

6. Именно в тот год, на наш взгляд, лидер перестройки, М. С. Горбачев сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране, став в дополнение к своей должности Генерального секретаря КПСС еще и Председателем Президиума Верховного Совета СССР;

7. В 1988 году в СМИ были опубликованы все основные элементы популистско-демократической программы перестройки

нашего общества, то есть той программы, которая впоследствии и была воплощена в жизнь.

На наш взгляд, все эти события позволяют считать обоснованной первую хронологическую границу нашего исследования.

Вторая хронологическая граница исследования — 1995 год. В том году властями было практически покончено с массовым забастовочным движением. Кроме того, в тот год:

1. В России изменился характер партийного строительства;
2. Был осуществлен временный переход от выборов к назначению глав региональной исполнительной власти.

3. Началось наступление этатизма в форме призывов к «восстановлению управляемости страной»;

4. Радикальные демократы были вытеснены из политики, высший орган государственной власти, Парламент, стал почти целиком коммунистическим;

5. Большинство СМИ попало под жесткий контроль, как политический, так и финансовый.

Все вышеизложенное позволяет считать обоснованными хронологические рамки исследования — 1988–1993 гг.

Забастовки можно классифицировать по отношению к процессу производства на открытые — с прекращением работы, и латентные, скрытые — с продолжением работы. Забастовки различаются также по масштабу, по продолжительности, по степени конфликтности (с радикальным дополнительным конфликтом, например, голодовкой или без нее) и, наконец, по содержанию основного конфликта (по характеру отношений к работодателю — конфликт по вопросу о заключении коллективного договора или политический конфликт). Можно разделить забастовки по характеру забастовочной инициативы на рабочие, где инициатива конфликта исходит от рабочих, и «директорские» (пишу в кавычках, потому, что в данном случае трудовой коллектив «укладывается» в ненужную ему забастовку, выступает как инструмент решения «директорских» проблем). При этом первые можно разделить на забастовки рабочих основного производства и забастовки вспомогательного персонала.

Забастовка может трансформироваться в митинг, в голодовку, а также в другие формы протеста. Формы самой забастовки также могут изменяться.

Зачастую российская читающая публика считает, что рабочие бастуют «сами по себе». Очень редко вспоминают об органах управления забастовкой: забастовочных комитетах и профсоюзах. Но именно эти структуры являются главным предметом нашего исследования.

Что представляли собой российские профобъединения в изучаемый период? В то время в России действовало огромное количество организаций, которые называли себя профсоюзами, но на деле таковыми не являлись. Это, во-первых, «профсоюзы» системы Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), остатки расколотившегося в 1990–91 гг. по национально-республиканскому признаку Всесоюзного центрального совета профсоюзов (ВЦСПС), по сути, — ассоциация заместителей директоров по кадрам и быту. Главное, что отличало эту организацию от профсоюза — то, что ее членом мог быть директор предприятия, человек, осуществляющий функцию найма работников, фактически работодатель. ФНПР объединяла в себе работников не по признаку профессии, а по признаку принадлежности к отрасли. В рамках этой системы все сотрудники какой-либо отрасли — от министра до уборщицы, были членами одного профсоюза. Кроме того, ФНПР осуществляла свою деятельность не на профсоюзные взносы, а за счет своей коммерческой деятельности. Соответственно главной целью ФНПР было не защита наемного работника, а извлечение прибыли из своего имущества. ФНПР участвовала в управлении производством и организовывала профраспродажи. До 1992 года она управляла фондом социального страхования. Таким образом, ФНПР выполняла также функции работодателя, торговой организации и страховой фирмы. Структурно ФНПР была жестко централизована. При этом, как у наследницы ВЦСПС, в ней автоматически числились 40 миллионов трудящихся. В монографии я именуую ФНПР псевдопрофсоюзом, ложным профсоюзом.

Во-вторых, в конце 1992 г. и в 1993 г. рабочие бастовавших в конце 80-х — начале 90-х предприятий были вынуждены начать трансформацию забасткомов в т. н. «свободные» профсоюзы, альтернативные системе ФНПР. Это были организации, которые пытались стать профсоюзами в западноевропейском смысле этого слова, то есть стать представителями трудящихся на рынке труда, организованными торговцами рабочей

силой. Самые известные альтернативные профсоюзы того времени: независимый профсоюз горняков России (НПГР), Российский профсоюз работников локомотивных бригад железнодорожников (РПЛБЖ), федерация профсоюзов авиационных диспетчеров (ФПАД), «Соцпроф». Главными задачами этих профсоюзов должны были стать проблемы заключения коллективного договора работников с работодателями и тарифного соглашения, согласно которому работникам осуществляются выплаты зарплаты. Эти профсоюзы попытались отказаться от традиционных функций советских профсоюзов — участия в управлении производством и распределении. Они отказались от профраспродаж и социального страхования. Членом таких профсоюзов не мог быть работодатель. Структура новых профсоюзов стала более демократична. Новые профсоюзы были, как правило, федерациями или конфедерациями (яркий пример — Российская конфедерация свободных профсоюзов (РКСФ)). Но в 1992–93 гг. таких объединений было очень мало. По подсчетам Учебно-исследовательского центра Московской федерации профсоюзов — примерно семьдесят. К 1993 году официально зарегистрировались двадцать пять. Общее число членов — около 350 тысяч. Мы считаем профсоюзы подобного рода протопрофсоюзами, профсоюзами, которые еще «не встали на ноги».

В-третьих, в России действовали предпринимательские «профсоюзы». Формально являясь профсоюзами больше, чем ФНПР, объединения предпринимателей шокировали специалистов по теории и практике профсоюзного движения своей смелой попыткой «стереть грань» между рабочим и работодателем (вплоть до попыток проведения забастовок кооператоров). Всего предпринимательских «профсоюзов» насчитывалось примерно десять. Наибольшую известность получили Объединенный профсоюз трудящихся кооперативных предприятий (ОПТКП), Российский профсоюз работников среднего и малого бизнеса (РПРСМБ) и «Единение». На практике развитие предпринимательского «профсоюзного» движения означало использование профсоюзного законодательства России для защиты мелкого предпринимателя от государственного рэкета, немислимых налогов и всевозможных поборов. Дело в том, что профсоюзное законодательство тех лет позволяло, например, не предоставлять налоговым службам

данных о профсоюзных фондах. И в этих фондах скрывать прибыль. В то время возбудить уголовное дело против лидера общероссийского профсоюза мог только генеральный прокурор России. Достаточно было зарегистрировать общероссийское профобъединение хотя бы из нескольких членов (а оно регистрировалось в заявительном порядке), стать его лидером, и ты — недосягаем для районных, городских и областных прокуроров. Профсоюзное законодательство позволяло не платить налог на фонд зарплаты. Достаточно было оформить всех трудящихся на предприятии как получающих минимальную зарплату (с нее налог не взимается), а реальные выплаты производить через «профсоюзные пособия», налоги с которых тоже не платятся и т. п. Предпринимательские «профсоюзы» в исследовании называются псевдопрофсоюзы.

Современная история России знает еще несколько оригинальных профсоюзных объединений (условно назовем их имитативными профсоюзами), созданных, в значительной мере, ради рекламы и саморекламы. Это попытка создания профсоюза фотомоделей и манекенщиц (москвичам, несомненно, памятна демонстрация этого «профсоюза» под лозунгом «Модели не для постели!»), а также создание женского профобъединения «Россиянка» (лидер В. Серышева, «бабушка российского альтернативного профдвижения»), при создании которого сделана попытка воплотить в жизнь мечту всех проффемисток — создать профсоюз работниц с «мужской» секцией по типу существования «женских» секций в традиционно «мужских» профсоюзах.

Таким образом, на наш взгляд, в профсоюзном движении России в начале 90-х действовали псевдопрофсоюзы, протопрофсоюзы и имитативные профсоюзы. Настоящих профсоюзов не было. Да и откуда они могли взяться?! Профсоюзы могут существовать только в условиях рынка труда. А в России в начале 90-х, до завершения массовой приватизации единственным реальным покупателем рабочей силы было государство. Рынок с одним покупателем — не рынок.

Целью нашего исследования является изучение исторического опыта возникновения и развития забастовочных комитетов в условиях кризиса и краха советской общественно-политической системы и становления новых общественно-политических отношений на территории нашей страны.

Забастовки рассматриваются нами под углом зрения проблем зарождения несистемных элементов гражданского общества в процессе становления демократических институтов трансформирующейся России. Сложность такого подхода заключается в том, что приходится изучать элементы явления (гражданского общества), которое, по мнению большинства обществоведов, как система пока не существует в России.

Я не собираюсь демонизировать или апологетизировать забастовочное и профсоюзное движение. Свою исследовательскую цель я вижу в том, чтобы показать забастовку, забастком и профсоюз такими, какие они есть на самом деле, с достоинствами и недостатками, без преклонения перед рабочим классом или принижения его роли.

Задачами исследования является изучение:

1. Социально-экономических и политических условий возникновения первых забастовочных комитетов в России;
2. Эволюции структур и функций забастовочных комитетов;
3. Развития межличностных взаимоотношений между активистами внутри забастовочных комитетов;
4. Субординационных и иерархических связей забастовочных комитетов, то есть системы взаимодействия этих органов с аналогичными структурами, и системы подчиненности этих органов;
5. Трансформации забастовочных комитетов по мере изменения исторических условий;
6. Социально-психологического состояния актива забастовочных комитетов.

Для решения этих задач, на наш взгляд, необходимо решить следующие подзадачи:

1. Проанализировать требования бастующих и их представление о рыночном обществе;
2. Проанализировать алгоритм развития забастовок;
3. Изучить финансирование забасткомов;
4. Изучить функции забасткома (на примере объединенного забасткома производственного объединения «Севералюкситруда» (ОЗК ПО СУБР));
5. Изучить методы борьбы формирующейся буржуазии с забастовками;

6. Изучить ход трансформации забасткома и превращения его в профсоюз;

7. Изучить конкретную модель «политотдела» профсоюза (формирование движения «Шахтеры России»).

Впервые я столкнулся с профсоюзным и забастовочным движением в январе 1990 г., когда забастовали архивисты г. Тулы и я (тогда аспирант института всеобщей истории и преподаватель историко-архивного института) собирал деньги в поддержку забасткома архивистов. В мою бытность народным депутатом Красногвардейского райсовета г. Москвы, в 1992 г., я столкнулся с забастовками школ, детских садов и поликлиник. Также мне довелось заведовать отделом международных связей и общественных отношений независимого профсоюза горняков России, консультировать объединенный профсоюз трудящихся кооперативных предприятий, ЦК российского профсоюза работников среднего и малого бизнеса, войти в комиссию исполкома московской организации социал-демократической партии России по связям с профсоюзами, некоторое время быть членом штаба поддержки федерации профсоюзов авиадиспетчеров России (в период подготовки этого профсоюза к осенней забастовке 1992 г.), консультировать Росуглепрофсоюз и быть членом исполкома движения «Шахтеры России» (1995 г.). Материалы этих профсоюзов, отложившиеся в моем личном архиве, стали важной частью источниковой базы работы, предлагаемой вашему вниманию. В конце 1994 — начале 1995 г. я работал руководителем аналитической группы в Национальной информационной корпорации (НИКО) — аналитической структуре корпорации «Олби». Материалы корпорации также использованы в этой книге. В качестве специалиста-политтехнолога я работал агентствах политконсалтинга «Николо М», «Политика», «ИМА-консалтинг», а также в службе избирательных кампаний и кадровых рекомендаций СДПР. В книге я использую материалы и этих структур. Эти материалы содержат, в основном, социологическую и политологическую информацию о выборах, электоральной активности населения и предвыборном положении в 18 регионах страны в 1992–2003 гг. Данные материалы использовались мною для изучения электоральной стратегии и тактики активистов забасткомов, а также как иллюстративный материал.

Важнейшей частью источниковой базы исследования является личный фонд лидера объединенного забастовочного комитета производственного объединения «Севуралбокситруда» (ОЗК ПО СУБР) В. Чезганова, который он мне подарил в 1993 г.

Фонд содержит материалы о деятельности забастовочного комитета ПО СУБР в 1991–1992 гг., о развитии забастовочного движения в Североуральске и становлении в этом городе Независимого профсоюза горняков. В файлах ОЗК ПО СУБР содержатся уставные документы Независимого профсоюза горняков России (НПГР), программные документы бастующих, например, принципы отношений с различными организациями, а также проекты положений и предложения о создании нереализованных форм объединений шахтеров. В нашей источниковой базе содержатся обращения, требования и заявления бастующих (часто в форме листовок). Кроме того, отложились резолюции, решения и постановления организаций, создаваемых бастующими рабочими (ОЗК, общегородского митинга и т. п.), а также телеграммы и письма, приходившие в ОЗК и отправляемые им. Самым массовым типом документов фонда являются протоколы сменных собраний бастующих шахтеров и протоколы заседаний ОЗК. Отложились в материалах забасткома и приказы дирекции ПО, изданные в период забастовок и непосредственно после них, а также тарифные соглашения горняков и администрации.

Самым интересным, на наш взгляд, документом следует признать дневник забасткома, в котором фиксировались параметры забастовки — структурное подразделение, сколько человек, говоря на сленге шахтеров, «легло в забастовку», то есть забастовало, каковы основные требования бастующих, что происходило в ходе стачки. Дневник забасткома был документом «внутреннего пользования». Его данные не предназначались для печати или публичного оглашения, поэтому в нем много данных, противоречащих публичным заявлениям и листовкам ОЗК, что повышает ценность информации дневника и делает его, на наш взгляд, одним из главных достоверных источников по истории ОЗК ПО СУБР.

Кроме того, в фонде есть материалы профсоюзов, в основном, аналитические записки, решения и постановления высших органов профсоюзов, политические декларации профсоюзов, протоколы заседаний различных органов профсоюзов.

Много интересных данных для нашего исследования подчеркнуто из «неформальной» периодики. «Неформальная» пресса была особым культурно-политическим феноменом конца 80-х — начала 90-х годов. Это были незарегистрированные официально или учрежденные создаваемыми в конце 80-х — начале 90-х годов общественными объединениями газеты и журналы. На ней слабо сказывалось влияние прямой государственной цензуры, поэтому ее сообщения (например, о забастовках) зачастую были более информативны и достоверны, нежели сообщения официальных органов. В монографии использовались материалы трехсот изданий «неформальной» прессы.

В настоящем исследовании мы опирались и на материалы, опубликованные на страницах «леворадикальных» газет. В нашем случае к таковым можно причислить двадцать восемь наименований газет. Это — газеты, издаваемые в 1988–1993 гг. анархистскими организациями, такими, как Инициатива революционных анархистов (ИРЕАН), Союз анархистов, Анархо-коммунистический революционный союз (АКРС), Ассоциация движений анархистов (АДА), Анархо-синдикалистская свободная ассоциация (АССА), Комитет за рабочую демократию и социализм, Марксистская рабочая партия, Движение за создание революционной рабочей партии, Товарищество социалистов-народников и Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС). Последняя — лидер среди издателей «левой» прессы. Мною использовалась информация двенадцать изданий Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Казани и Харькова, принадлежавших этой группе.

«Левые» группы в исследуемое время были небольшие и, как правило, молодежные. Они были совершенно мирными и не поддерживали террористическую тактику своих «праотцов». Многие из них (КАС, ИРЕАН, Товарищество социалистов-народников) были созданы молодыми историками, увлекавшимися анархизмом и народничеством как предметом своих исследований. Как большинство изданий того времени, газеты «левых» развивали на свой лад «возрожденческую» идеологию и по-своему «воевали со временем», пытаясь «переиграть», реинтерпретировать ход исторического процесса. Общеисторический вывод «левых» был таков — все беды России произошли потому, что в свое время граждане страны последовали

за большевиками-ленинцами, а не за анархистами, эсерами и троцкистами. Если возвратиться в «исходную» историческую точку, признать ошибки и «исправиться», то можно вновь «найти верный путь» к процветанию, демократии и новому социализму. Преуспевали в изложении подобной концепции «А-S Инфо» (ИРЕАН), «Община» (КАС), «Интер-взгляд» (Комитет за рабочую демократию и социализм), «Трибуна» (Движение «Добрая воля»), «Революционная Россия» (Товарищество социалистов-народников). Не чужды были «левые» и традиционной для демократического движения апологетики западных взглядов. Правда, апологетизировались, в основном, современные западные анархисты, «зеленые» и троцкисты. Многие группировки (например, троцкистская группа Д. Мандела или шведские анархисты) восхвалялись, в том числе и по финансовым причинам, так как именно они были спонсорами ряда «левых» изданий. Такие взгляды причудливо сочетались с ретрансляцией общедемократической критики КПСС и частичной поддержкой Б. Ельцина и его окружения, что, естественно, еще дальше отдаляло «левых» конца 80-х — начала 90-х от исторических «прототипов».

Однако именно «левые» пытались уделять большое внимание забастовочной борьбе. Многие из них добросовестно собирали и публиковали информацию о стачечном движении на страницах своих СМИ. Наиболее информативны в этом плане следующие издания: «Черное знамя» (газета анархистов), «Рабочая демократия» (газета троцкистов), «Рабочий», «Голос», «Информационный бюллетень КАС-КОР» (газеты анархо-синдикалистов), «Бюллетень левого информцентра», «Сообщает информационное рабочее агентство».

Интересны для нашего исследования и газеты социалистов и социал-демократов. Для написания книги нами использованы шестьдесят два социал-демократических и социалистических издания, то есть издания Социал-демократической партии России (СДПР), Российского социал-демократического центра (РСДЦ), Союза молодых социал-демократов (СМСД), блока «Новая Россия», Социалистической партии, а также социал-демократических партий и групп Украины, Белоруссии, Казахстана и Азербайджана выходивших в 1990–1993 гг. Самые известные газеты этого политического направления: «Новости

социал-демократии», «Новая жизнь», «Альтернатива», «Сфера» (Саратов), «Республика» (Петрозаводск), «Вятский наблюдатель», «Московский социал-демократ», «Эсдек» (Санкт-Петербург). Многие газеты эсдеков тех лет пытались копировать идеологию и тактику правой западной социал-демократии, что часто оказывалось неприемлемым для России, точнее для российской социальной и электоральной базы социал-демократии. Кроме того, социал-демократические газеты в своем большинстве были настолько интегрированы в общедемократические СМИ, что подчас «теряли лицо», переставали отличаться от любой другой популистской демократической газеты. В этом газеты эсдеков были слепком партии, которая, несмотря на свое название, была скорее федерацией клубов городской гуманитарной интеллигенции, часть членов которых искренне желала стать социал-демократами, а часть, видимо, «играла» в социал-демократов. Но, несмотря на это, в конце 80-х — начале 90-х СДПР по праву могла считаться одной из ведущих демократических партий, связанной с забастовочным и профсоюзным движением. Еще на начальной, «клубной» стадии своего существования (1987–1990), социал-демократы, а тогда — члены клуба «Демократическая перестройка» и социал-демократического крыла Демократического союза установили контакты с бастующими шахтерами, участвовали в работе первых шахтерских съездов, организации первых профсоюзов, альтернативных системе ВЦСПС. Эти контакты были отражены на страницах партийной прессы. Позже, после создания Социал-демократической ассоциации и партии, социал-демократы участвовали в создании профсоюза «Соцпроф», чьи газеты «Рабочее слово» и «Рабочая сила», относительно, регулярно освещали забастовочное движение.

Нерегулярно, но интересно освещалось развитие забастовочного движения в газетах «А и Б» (выходила в 1991 г.) и «Обозреватель» (1991–92 г.), отражавших мнение Социалистической партии (лидер — Б. Кагарлицкий). При работе над диссертацией автор пользовался материалами этих газет, с учетом проФНПРовской позиции лидеров Соцпартии и их полуприкрытой «игре в лейборизм», что нашло отражение даже в самом названии последнего издания.

Для изучения забастовочного движения 1992–93 гг. нам приходилось обращаться и к изданиям, излагающим

прокоммунистическую позицию. Под прокоммунистической позицией мы понимаем в данном случае традиционалистскую, антигорбачевскую и антиельцинскую позицию. В политическом смысле это течение политической мысли охватывало широкий круг сторонников — от сторонников радикального сталинизма (членов движения «Единство за ленинизм и коммунистические идеалы», общества Сталин, Всесоюзной коммунистической партии большевиков и большевистской платформы в КПСС) до умеренных почти (но почти!) реформистски настроенных коммунистов из Социалистической партии трудящихся.

На прокоммунистических позициях находились в 1990–91 годах и некоторые ведомственные газеты силовых министерств («Ситуация» (МВД СССР), «Российские милицейские ведомости» (МВД РСФСР)), что недвусмысленно подчеркивало отнюдь не реформистскую позицию их руководителей и давало гражданам СССР пищу для размышления о разногласиях внутри руководства страны.

Изучаемый период был весьма непростым для коммунистов. КПСС распалась и разлагалась. Процесс дезинтеграции партии, в какой-то мере, инициировался ее руководством во главе с М. С. Горбачевым и А. Н. Яковлевым. 1988 год фактически положил начало открытой внутривнутрипартийной дискуссии о характере и целях реорганизации советского общества. В 1989 были созданы первые прокоммунистические организации вне структур КПСС: Объединенный фронт трудящихся, Интерфронты, движение «Единство за ленинизм и коммунистические идеалы». В 1990 произошел фракционный раскол партии, появились почти несовместимые по взглядам внутривнутрипартийные платформы: большевистская, марксистская, демократическая. Были образованы КП РСФСР и движение «Трудовая Россия», руководство которых начало конфликтовать с М. С. Горбачевым. Все это, а также то, что в 1991 КПСС была запрещена, привело к «взрыву» неформального коммунистического партийного строительства. Возникли Российская коммунистическая рабочая партия (лидер В. Ампилов), Социалистическая партия трудящихся (лидер Р. Медведев), Партия социального прогресса, Союз молодых коммунистов, Российская партия коммунистов, СКП-КПСС, партия «Левая Россия» и

ряд других прокоммунистических объединений. Это же привело к созданию новой партийной периодики. При работе над книгой использованы материалы сорока трех неформальных, неофициальных прокоммунистических изданий 1989–93 гг. Среди них федеральных — 16. Наиболее информативные для нашего исследования: «Гласность», «Воля», «Политика», «Народная правда» и «Наша Россия». Используются также материалы московских и ленинградских коммунистических газет (всего — 3 наименования), а также 20 наименований фракционных коммунистических партийных газет, в том числе газеты сталинистов («Борьба», «За Родину! За Сталина!», «Большевик»), газеты коммунистической инициативы («Наш выбор» (Нижний Новгород) и «Бумбараш»). Привлечены материалы 5 газет Российской коммунистической рабочей партии (РКРП), наиболее информативные среди которых «Комментатор», «Трудовая Россия» и «Молния».

Развитию забастовочного и профсоюзного движения уделяли внимание также печатные органы Социалистической партии трудящихся («Левая газета» и «Красная гвоздика»), Объединенного фронта трудящихся («Что делать» и «Контраргументы и факты»), Российской партии коммунистов («Российская правда»), Союза молодых коммунистов, а также СКП-КПСС. Естественно, перечисленные выше издания содержат информацию не только о развитии забастовочного движения, но и о взаимоотношениях активистов движений и активистов компартий.

Мною были изучены газеты профсоюзов, альтернативных системе ВЦСПС-ФНПР: «Независимость», «Соцпроф», «Защита», НПГ России, ПОАТ. Это профсоюзы, построенные в значительной мере на основе забастовочных комитетов, а потому много и охотно печатавших материалы о забастовочном движении. Привлекались к работе двадцать восемь наименований профсоюзной прессы, не принадлежащей системе ВЦСПС-ФНПР, а также газеты типологически близкие к альтернативным профсоюзам организациям — газеты Советов трудовых коллективов (СТК) Москвы и Кузбасса, Совета рабочих Ленинграда, Совета за народную приватизацию, Воркутинского городского рабочего стачечного комитета, студенческих профсоюзов, НПГ Белоруссии и Независимого профсоюза машинистов Украины.

Использовали мы и прессу ФНПР (тринадцать изданий), которая всегда сообщала об удачных акциях этой организации. Самые информативные для нашего исследования газеты это: «Солидарность», «Пролог», «На-гора», «Шахтерский вестник» и «Донецкий рабочий». Эти издания иногда подробно рассказывали о ходе шахтерских стачек.

Однако, говоря о прессе, мы вынуждены констатировать, что далеко не всегда можно доверять ее информации. В 1990–93 гг. нам доводилось быть главным редактором региональной и партийной газеты и чувствовать «на себе» диктат заказчиков, спонсоров и учредителей, видеть, что творческие приемы части журналистов подчас неотличимы от мистификации. В газетах конца 80-х-начала 90-х редко встречаются корректные ссылки на источник информации. Большинство газетных и журнальных статей о забастовках несут на себе отпечаток экспертократического подхода. То есть представители СМИ пытаются выступить экспертами по описываемой проблеме, навязать свои политические взгляды и читателям, и представителям протестующих территориальных сообществ и коллективов. Во многих статьях звучит назидательный тон и прослеживается стремление журналистов рассказать читателям о том «как надо» создавать профсоюзы или забастовки. В большинстве газетных заметок о забастовках «не слышно» голоса рабочих. Редко приводятся тексты документов бастующих. Преувеличиваются успехи той политической силы, от которой зависит СМИ. Поэтому сообщения прессы мы считаем скорее достоверным источником для изучения роли союзников бастующих — журналистов и представителей политических партий, но не всегда достоверным источником по истории развития забастовочного и профсоюзного движения.

В качестве одного из важных исторических источников, который привлекался для исследования, являлись опубликованные материалы статистического учета и другие статистические материалы. Тщательный учет потерь от забастовок, как и учет общей динамики забастовочного процесса в нашей стране налажен лишь с 1991 года. Это не позволяет тщательно анализировать ход забастовочного движения до начала 90-х. Более поздние статистические данные позволяют судить о динамике производственных протестных выступлений. Одна-

ко остается неизвестной методика получения и обработки социологических данных о забастовках Госкомстатом СССР и РСФСР, что снижает степень нашего доверия этим данным. Но уже на эти данные показывают, что до 1992 г. шел относительный и абсолютный рост забастовочного движения, а в 1992–1993 гг. наблюдался спад забастовочной борьбы.

Для исследования использовался и такой источник информации как результаты социологических исследований, в первую очередь — материалы опросов и фокус-групп. Назовем условно такие исторические источники историко-социологическими. При написании работы использовались результаты социологических опросов, опубликованных в сборнике «Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы» и вышедшей под редакцией Г. Осипова книге «Реформирование России: мифы и реальность». Привлекались также социологические материалы из сборника документов «Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, не тот ли это путь?»¹.

Мне довелось и самому проводить социологические опросы среди участников и организаторов забастовок. В 1992 г. я провел опрос членов Совета представителей НПП. При этом я столкнулся с неискренностью ряда респондентов. Представители Кузбасса были настроены недоброжелательно к руководству профсоюза (выходцам из Воркуты) и нанятому им аппарату профсоюза. Интервьюеров они воспринимали как часть аппарата, поэтому давали неверную информацию о численности своей организации и ее возможностях.

В 1992 г., нами проведен опрос среди делегатов IV съезда СДПР, который состоялся в июне 1992 г. в г. Москве и г. Люберцы, Московской области. Нам удалось опросить 65 делегатов съезда из 120. Они представляли 44 территориальные организации партии из 105, существовавших в то время. В этих организациях состояло 1984 члена партии из 3,5 тыс. членов СДПР.

¹ Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994; Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 1–2.; Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, не тот ли это путь? / М., Профиздат, 1989.

В последнее время достоверность результатов, полученных в ходе опросов, подвергается резкой и вполне обоснованной критике. Критики убедительно показали, что на результаты опросов влияет наличие у опрашиваемого мнения о проблеме, которой его спрашивают. Влияет, степень адекватности восприятия вопроса респондентом. И, наконец, влияет наличие в вопросе установки на ответ. Здесь вполне уместно вспомнить и о феномене массового сознания, обозначенном германским исследователем Э. Ноэль-Нойманн как «спираль молчания»². Суть этой концепции состоит в том, что, испытывая генетический страх перед угрозой социальной изоляции, люди охотно и открыто высказывают ту точку зрения, которая по их представлениям, доминирует в их социальном окружении, и, таким образом, усиливают ее, и, напротив, «замолкают» в том случае, если их убеждения и взгляды, по их представлениям, оказываются в меньшинстве, хотя объективно это может быть и не так. Понятно, что во втором случае позиция предполагаемого меньшинства ослабевает и в итоге сходит на нет, попадая в «молчанье». Особенно сильно эффект «спирали молчания» действует в условиях социальной дезинтеграции общественных структур, то есть именно в такие периоды, которые переживала наша страна в 1988–1993 гг. Некоторые исследователи убедительно показали, что в зависимости от установки интервьюера, содержащейся в анкете, зависит результат. Например, при ответе на вопрос об отношении к Президенту так называемый «коэффициент искренности» респондентов колеблется от 40 до 80 %. При этом средний «коэффициент искренности» составляет, примерно, 67 %³.

Для выяснения параметров политологической проблемы обществоведы применяют методику, получившую название фокус-группы, фактически — разновидность полуструктурированного интервью. Для этого исследователь собирает и опрашивает группу, состоящую из людей, одинаковых по определенному признаку. Например, составляется группа по возрастному признаку, половому или профессиональному.

² <https://socioline.ru/pages/elizabet-noel-nojman-spiral-molchaniya>.

³ О «коэффициенте искренности» см. например: <https://www.bestreferat.ru/referat-100643.html>; <https://hr-portal.ru/article/kriterii-ocenki-iskrennosti-i-neiskrennosti-sobesednika>

В группе не должно быть знакомых, участники группы не должны участвовать ранее в подобных исследованиях, должны быть регулярными потребителями информации хотя бы одного СМИ. Проведение фокус-групп позволяет изучить базовые ценностные ориентации опрашиваемых, выявить специфику их политического мировоззрения, установки и мотивы поведения. Каждая фокус-группа подразумевает участие десять — двенадцать человек. Качественные результаты исследования можно получить, только предварительно продиагностировав группу. Поэтому путеводитель по группе содержит диагностические вопросы о степени социальной стрессированности участников, например: «Что хорошего и что плохого происходило в Вашей жизни за последнее время». Понятие «последнее время» не детализируется, чтобы дать возможность респонденту полнее описать свое состояние, свои позитивные и негативные переживания. Мы провели восемнадцать фокус-групп в городах Барнаул, Вологда, Владимир, Волгоград, Чебоксары, Ирбей (Красноярский край), Светлоград (Ставропольский край). Группы составлялись по возрастному признаку — младшая (до 25 лет), средняя (25–45 лет), старшая (свыше 45 лет). На обсуждение участников групп выносилась проблема образа власти в стране. Целью фокус-групп было определение мотивов электорального поведения участников. Путеводитель по группе предполагал сначала вопросы об общем определении понятия «власть», затем вопросы, конкретизирующие представление об органах власти, и, наконец, аксиологические вопросы, вопросы об имидже «идеальной власти». Для активизации участников и получения информации об электоральном поведении часто использовалась провокативная методика. Например, задавался вопрос: «Если Вы уверены, что вся власть в стране — в руках мафии и от голосования ничего не зависит, то почему Вы принимали участие в выборах?» и т. п. вопросы. Стенограмма фокус-группы расшифровывалась, а затем подробно анализировалась. Выявлялись в первую очередь мотивы политического и электорального поведения участников группы. Составлялась аналитическая записка, на основе которой формулировались рекомендации органам государственной власти и управления по проведению политтехнологических мероприятий. Материалы фокус-групп четко характеризуют отношение к власти в зависимости от возраста. Это также

использовалось при анализе среды функционирования участников профсоюзного и забастовочного движения, а также идеологических представлениях возрастных групп.

Литература о современном профсоюзном, рабочем протестном и забастовочном движении в России обширна и до предела политизирована.

Классифицируя исследователей по политическим взглядам можно выявить, как минимум, три точки зрения на профсоюзное и забастовочное движение начала 90-х:

1. Демократическая. Она гласит, что рабочие в конце 80-х — начале 90-х бастовали «в поддержку рыночных реформ». Насколько нам известно, авторы, придерживающиеся этой точки зрения, создавали свои произведения либо по заказу министерства труда, либо на деньги западных грантов. Условно мы назовем этих авторов группой Л. А. Гордона по имени руководителя большинства проектов⁴. Точка зрения группы Гордона была широко представлена в российских СМИ (в первую очередь, на страницах финансируемой АФТ-КПП газете «Дело») существовавшей до 1994 года. Для доказательства тезиса о «демократизме» бастующих талантливые исследователи даже шли на прямые исследовательские подлоги — строительство выводов на базе нерепрезентативных социологических опросов. Так выводы о «демократизме» шахтеров строились подчас на изучении мнения 26–37 % делегатов шахтерских съездов, из которых 20 % опрошенных — управленческий персонал, а не рабочие⁵. Правда, со временем, к концу 90-х группа Гордона вынуждена была частично изменить свои позиции, признать наличие и даже доминирование иных, подчас вовсе недемократических тенденций в развитии рабочего движения (благо исследовательский материал давал такую возможность на каждом шагу!). Но скорректированные выводы были отнесены ими к более позднему хронологическому периоду забастовочного движения чем, фактически, не призналась ошибочность ранней позиции.

⁴ Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в постсоциалистической России / М., Прогресс-Комплекс, 1993.

⁵ Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 1, с. 175–176.

2. Коммунистическая (скорее — КПРФовская). Ряд бывших лидеров КПСС, а ныне лидеров КПРФ излагает (крайне удивившую автора настоящей работы) версию об отсутствии рабочего движения, например, в период сопротивления ГКЧП. Так А. Лукьянов, рассуждая о событиях августа 1991 г., пишет, что по призыву Б. Ельцина «бастовала только РТСБ»⁶. В целом, для КПРФовского взгляда на забастовочное движение, характерно подчеркивание того, что забастовки начала 90-х под демократическими лозунгами организованы «продажными» лидерами, а под коммунистическими — «выражают волю народа». При этом важнейший вопрос — о месте и значении забастовочных комитетов как органов производственного самоуправления коммунистами почти не изучается.

3. Социал-демократическая и близкая к ней социалистическая. Для исследователей, придерживающихся этой точки зрения характерны негативные оценки и приватизационного процесса начала 90-х, и роли КПСС-КПРФ. Пытаясь усилить возможности рабочего движения, дать ему социалистические (в западном понимании этого слова) ценности в начале 90-х годов лидер Партии труда Б. Кагарлицкий и одна из лидеров СДПР Г. Ракицкая пытались предложить движению иные формы приватизации и самозащиты от произвола предпринимателей⁷. Причем, наряду с развитием независимого профсоюзного движения, учитывалась (почти нереалистичная, на наш взгляд) возможность трансформации профсоюзов системы ФНПР в независимые профсоюзы. Аналогичную позицию занимала тогда газета МФП «Солидарность» и журнал «Альтернативы». В конце 90-х — начале 2000 годов группа авторов этого журнала (Э. Рудык, Я. Керемецкий, Л. Булавка, которых условно назовем группой А. Бузгалина по имени руководителя) начала исследовать захваты предприятий бастующими⁸. В работах указанных авторов проанализирована ситуация на предприятиях, где были

⁶ Лукьянов А. Переворот мнимый и настоящий / М., Палея, 1993, с. 72.

⁷ Кагарлицкий Б. Расколовшийся монолит. Россия на пороге новых битв / М., 1992; Ракицкая Г. Я. На пути к собственной идеологии / М., ИЭРАН, 1993.

⁸ В изучаемый нами период это — редкость. Например, 8 июня 1992 г. в Перми таксисты провели оккупационную забастовку, заняли таксопарк, организовали совет рабочих парка и попытались организовать его работу, но потерпели неудачу.

попытки захвата протестующими рабочими и установления рабочего контроля в разной форме⁹. Они убедительно показали непрочность приватизации, возможность передела собственности, а также иллюзорность гражданского мира в России. Группа А. Бузгалина доказала, что в нашей стране возможны успешные протестные действия рабочих, появление производственного самоуправления, возрождение коллективизма и солидарности, показала значимость и сложность борьбы рабочих за контрольный пакет акций своего предприятия. В 2001 году, через год после публикации работы «Рабочий протест в России: опыт и проблемы», одна из соавторов, Л. Булавка издала книгу «Рабочий протест в России: опыт и проблемы». Источниковой базой для ее исследования послужили опросы и интервью, проведенные на девятнадцати крупных российских предприятиях. Достоинством работы является то, что показано развитие конфликтов на этих предприятиях глазами рабочих, рассказано о самоорганизации и самоуправлении на предприятиях в ходе протестных действий, например, при захвате предприятия бастующими и организации на нем производства без участия старой администрации¹⁰. При этом автор далека от идеализации рабочего движения. Она говорит о случаях предательства рабочими своих лидеров, о пьянстве, об «окрестьянивании» рабочих.

Если классифицировать исследователей по отношению к оценке самого крупного актора в профсоюзном и забастовочном движении России — ФНПР, то можно выделить три точки зрения на этот «профцентр».

Первая — апологетическая, для которой характерно признание выдающихся заслуг ФНПР в деле защиты прав трудящихся. Такую точку зрения предлагают исследователи учебно-исследовательского центра МФП и Академии труда и социальной защиты¹¹.

Вторая — объективистская, говорящая о недостатках ФНПР, но признающая его профцентром, способным стать

⁹ Рудык Э. Н., Керемецкий Я. Н., Булавка Л. А. Рабочий протест в России: опыт и проблемы / М., Экономическая демократия, 2000.

¹⁰ Булавка Л. А. Портрет протестного движения в постсоветской России / М., библиотека журнала «Альтернативы», сер. Самозащита трудовых коллективов, вып. 1 (5), 2001.

¹¹ Федина Г. А. Профсоюзное движение сегодня / М., УИЦМФП, 1993.

участником процесса урегулирования трудовых конфликтов на стороне рабочих. Особо отметим объективистские труды В. Борисова, В. Рупца, а также А. Кацва¹².

И наконец — резко критическая, не признающая за ФНПР ни право называться профсоюзом, ни легитимности как общественной организации. Такие исследователи как Ю. Миловидов, К. Сумнительный и Л. Булавка отмечают негативную роль руководства ФНПР, которая солидаризируется не с протестующими рабочими, а с предпринимателями¹³.

Итак, в российской историографии мы выделяем демократическую, КПРФовскую, социалистическую и социал-демократические точки зрения на развитие профсоюзного движения в стране. При этом отмечаем существование проФНПРовской и антиФНПРовской историографических традиций. При этом нельзя не отметить парадокс российской историографии профсоюзного движения — все исследователи рабочего движения в той или иной мере апологетизируют профсоюзы как форму объединения трудящихся.

Методологической основой нашего исследования являются не устаревшие положения марксистско-ленинской теории. Мы уверены, что теория К. Маркса и В. И. Ленина дает в руки исследователю понятия, без которых немислимо изучение революционных преобразований:

1. Классовая борьба, как борьба за господство в обществе между социальными группами, занимающими разное место в системе производства и потребления;

¹² Рупец В. «Альтернативнее альтернативных». О Конфедерации свободных профсоюзов России — КСПР // Новое рабочее и профсоюзное движение, 1993, № 1, с. 26–28; Кацва А. М. Массовые протестные действия в условиях общественной трансформации (90-е годы XX века) // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт / М., Экономическая демократия, 2001, с. 135–142; Кацва А. М., Подкосов Д. П. Лидеры рабочего движения: состав и социальные ориентации // Рабочее движение и политика реформ, М., ИСПРАН, 1992, с. 26–34; Кацва А. М., Филимонов В. Г. Новое рабочее движение в России: состояние и ближайшие перспективы // Рабочее движение и политика реформ, М., ИСПРАН, 1992, с. 5–25.

¹³ Миловидов Ю. Н. Профсоюзная собственность должна служить всем членам профсоюзов / М., 2001; Булавка Л. А. Портрет протестного движения в постсоветской России / М., библиотека журнала «Альтернативы», сер. Самозащита трудовых коллективов, вып.1 (5), 2001; Сумнительный К. Несколько штрихов к портрету профсоюзов // Альтернативы, 1993, вып. 3, с. 107–119.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru